

DOI 10.31029/vestdnc100/8

УДК 94(470.67)

ОСОБЕННОСТИ «ИЗБРАНИЯ» ФЕОДАЛЬНЫХ ВЛАДЕТЕЛЕЙ ДАГЕСТАНА

Б. Г. Алиев, ORCID: 0000-0001-8009-9087

А. О. Муртазаев, ORCID: 0000-0003-0711-3887

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия

PECULIARITIES OF THE "ELECTION" FEUDAL LORDS IN DAGHESTAN

B. G. Aliev, ORCID: 0000-0001-8009-9087

A. O. Murtazaev, ORCID: 0000-0003-0711-3887

Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia

Аннотация. Статья посвящена особенностям «избрания» – прихода к власти дагестанских феодальных владетелей. Отмечено, что вопрос в этом плане не ставился для исследования в дагестанской историографии, хотя он представляет интерес и в научно-познавательном, и в практическом плане. Исследование его дает возможность выяснить, действительно ли вся власть в дагестанских владениях принадлежала их владетелям или была ограничена определенными запретами, адатом. Прежде всего обращается внимание на наиболее крупные и влиятельные владения, во главе которых стояли шамхалы, уцмий и ханы Казикумуха и Аварии. Отмечены и другие, менее значимые владения, возглавляемые майсумом, кадием, султанами и ханами. В статье указано, что почти все владетели приходили к власти в результате «избрания» на народном собрании или собрании знати в лице окружения владетелей, с присутствием представителей своих общин и других политических структур. Отмечено, что «избрание» сопровождалось различными обрядами, среди которых особый интерес представляют обряды «избрания» шамхала, уцмий и табасаранских владетелей. Показано, что главной особенностью «избрания» шамхала являлось обязательное участие в собрании представителей Акуша-Дарго во главе с акушинским кадием, который и «короновал» шамхала. Право это (надевание шапки или халата) принадлежало только ему и только после этого шамхал считался избранным. Аналогичное право «коронования» уцмий принадлежало старшему древнейшего тухума с. Кирцик союза Ирчамула. В Табасаране владетели – кадий и майсум избирались на определенных местах, в известных селах, где также считались «избранными» после «коронации» их известными тухумами определенного общества. Отмечено, что во всех владениях обряд «избрания» нового владетеля завершался одариванием «избранным» владетелем присутствующих при этом знати, глав обществ и угощением народа. Обращается внимание на особенности и общее при проведении обрядов в различных владениях. Отмечено также, что какие бы обряды ни проводились при «избрании» владетелей, последние имели в своих владениях полную власть, но с какими-то ограничениями в ряде владений.

Abstract. This article examines the peculiarities of the “election” – i.e., the accession to power – of feudal lords in Daghestan. It is noted that this issue has not been raised for study in Daghestan historiography., although it is of interest both from an academic and a practical standpoint. Investigating this topic makes it possible to determine whether all power in Daghestan’s dominions truly belonged to their lords or whether it was limited by certain prohibitions, customary law (adat). Attention is primarily given to the largest and most influential dominions, which were headed by the shamkhals, the utsmis, and the khans of Kazikumukh and Avaria. Other, less significant dominions, led by maisums, qadis, sultans, and khans, are also noted. The article indicates that almost all lords came to power as a result of being “elected” either at a popular assembly or at an assembly of the nobility consisting of the lord’s entourage, with representatives from their communities and other political structures present. It is noted that the “election” was accompanied by various rituals, among which the rituals for electing the shamkhal, the utsmi, and the rulers of Tabasaran are of particular interest. It is shown that the main feature of the “election” of the shamkhal was the mandatory participation in the assembly of representatives from Akusha-Dargo, headed by the Akusha qadi, who “crowned” the shamkhal. This right (the donning of a hat or robe) belonged exclusively to him, and only after this was the shamkhal considered elected. A similar right to “crown” the utsmi belonged to the eldest member of the most ancient tukhum (clan) of the village of Kirtsik, part of the Irchamul union. In Tabasaran, the rulers – the qadi and the maisum – were elected in specific locations, in certain known villages, where they were likewise considered “elected” only after being “crowned” by well-known tukhums from a particular society. It is noted that in all dominions, the ritual of electing a new lord concluded with the newly elected lord bestowing gifts upon the assembled nobility and community leaders and providing a feast for the people. Attention is also drawn to both the distinctive and common features of these rituals as practiced in different dominions. It is further noted that whatever rituals were performed during the “election” of lords, the latter held full power within their dominions, albeit with certain limitations in a number of cases.

Ключевые слова: Дагестан, феодальные правители, «избрание», «коронация», шамхал, уцмий, ханы, майсум, кадий, султан, обряд, церемония, сход.

Keywords: Daghestan, feudal rulers, "election", "coronation", shamkhal, utzmiy, khans, maysum, qadi, sultan, rite, ceremony, gathering.

Введение

Среди вопросов об административном устройстве и формах правления в феодальных владениях Дагестана, об их правителях и о вступлении их на престол особый интерес представляет вопрос о том, как они приходили к власти, как занимали высшие административно-политические должности, какие традиции существовали по их «избранию».

Особенно интересен вопрос о традициях и ритуалах, имевших место и проводившихся во время «избрания» феодальных правителей, хотя это избрание было чисто формальной процедурой, сохранившейся с давних времен. Во всех феодальных владениях уже было известно, кого нужно избрать, так как вместе с их избранием определялись и наследники – «крым-шамхал» – в Шамхальстве, «гаттым» – в Уцмийстве, «кихилав» – в Аварском ханстве и т.д.

Но несмотря на важное значение вопроса о приходе к власти феодальных владетелей в целом, о том, какую власть они имели, были ли они ограничены чем-то или кем-то, в каких связях с обществом находились, как они осуществляли свою власть и т.д., в дагестанской историографии нет специальных исследований по этому вопросу. В имеющихся монографиях по истории Дагестана и истории отдельных дагестанских владений просто констатируется, что дагестанские правители приходили к власти либо получив ее от отца (по прямой линии), либо в качестве старшего члена правящей фамилии (династии). Не отмечается, где и как правителей выбирали, какой был состав выборщиков, кто в нем играл главную роль, какие ритуалы и процедуры проводились при избрании и т.д. Именно эти все вопросы раскрывают сущность власти правителей.

В этой связи мы обратились к этим вопросам, поставив их для исследования в данной статье. В статье не ставится цель исследовать вопрос в сравнительном плане с другими странами и народами, а сравниваются схожие практики внутри самих дагестанских владений, что дает возможность проследить как общее у них, так и особенное, не присущее другим.

Прежде чем перейти к основному содержанию статьи, мы должны разъяснить, что употребляемые в статье термины, такие как «избрание», а также «трон», «коронация», «монархия» или «монарх», встречаются в использованных и цитируемых источниках и работах авторов XVIII–XIX вв. Нами они используются как условные термины при описании, как правители приходили к власти, какие при этом проводились мероприятия и как после всего этого избираемый становился правителем. Термины «трон» (камень), «коронация» (надевание папахи или халата), «монарх» (правитель, владетель), конечно, в буквальном смысле слова не применимы по отношению к Дагестану, в отличие от развитых феодальных государств Средневековья, в которых были настоящие троны, короли и монархи.

Проводимые в дагестанских владениях процедуры (посадка на камень, надевание папахи или халата), конечно, выглядят примитивными, и они не могут сравниться с теми церемониями, которые проводились при приведении к власти наследников в развитых странах Средневековья. Но других терминов нет, и мы используем те, которые имеются в источниках и литературе.

Укажем также, что статья написана на основе анализа доступных нам материалов – архивных источников как изданных в сборниках документов, так и хранящихся в фондах Центрального государственного архива Республики Дагестан (далее – ЦГА РД), а также работ авторов XVIII–XIX вв.

Основная часть

Начиная изучение поднятых в статье вопросов, прежде всего отметим, что наибольший интерес среди них представляет «избрание» правителей феодальных владений, характеризующихся в исторической литературе как монархические, таких как, например, Тарковское шамхальство, Кайтагское уцмийство, владения Табасарана и Казикумухское ханство, хотя в последнем случае с оговоркой [1, с. 40]. По этим феодальным владениям имеются сведения, показывающие, как их владетели приходили к власти, какие существовали традиции по их «избранию». Причем интересно, что во многих случаях в этих владениях наблюдается наличие общего в проведении тех или иных обрядов и церемоний, например, связанных с посадкой претендента на «трон» (специальный камень), надеванием на него «короны» (шапки) или халата, одариванием знати и гостей, проведением праздничных угощений для народа. В то же время каждое владение имело и свои, свойственные только ему особенности, связанные как с возникновением обрядов и традиций, так и с пережитками прошлого, когда избрание вождей, руководителей и глав происходило на всеобщем сходе или собрании представителей от каждого тухума («рода») или частей коллектива (общины, села, племени).

По ряду владений сохранились сведения о том, как правители приходили к власти, какие исторически сложившиеся традиции существовали у них, с чем они были связаны, а в отдельных случаях и с указанием времени их возникновения.

Особенно интересны сведения по Шамхальству, с чего и начнем исследование вопроса. Но сначала следует отметить, что в последнее время выявлены новые местные источники по интересующей нас теме, позволяющие раскрыть ряд вопросов, которые не затрагиваются в других источниках. Это прежде всего опубликованный и проанализированный М.Н. Абдуллаевым и Т.М. Айтберовым арабоязычный источник, переписанный дженгутаевцем Абдурахманом Казиевым, в котором речь идет о выступлении жителей Акуша против эмиров и шамхала [2, с. 9–18].

Согласно сочинению Мухаммеда-Рафи и «Перечню податей» шамхалы получали с даргинцев подати [3, с. 23; 4, с. 179]. Как отмечал Р.М. Магомедов, шамхалы закрепились «в северных границах Цудархарского и Акушинского обществ» и взяли под свой контроль села Кутиша, Нижнее Чуни, Хахита, и в конце XV в. Кикунь становится пограничным пунктом «между шамхальскими и нуцальскими владениями, а р. Аварское Койсук, по-видимому, – пограничным рубежом, к востоку от которого до моря простирались шамхальские владения» [4, с. 179, 180].

Подчинив себе даргинские общества, шамхалы поставили в Акуша своих эмиров, которые эксплуатировали местное население, эксплуатировавшееся и местными князьями (талхъанами). Поэтому акушинцы, как и жители других обществ, выступили против шамхальских эмиров и против своих талхъанов.

Практически с указанием на эти события, имевшие очень важные для Акуша-Дарго последствия, и идет речь в отмеченном выше арабоязычном источнике. Значимость данного источника в том, что именно исходя из него, отталкиваясь от него, мы можем судить о дальнейших взаимоотношениях Акуша-Дарго и Шамхальства, и главное, что особенно значимо, по этому источнику возможно установить период возникновения обряда по «избранию» шамхала с участием даргинцев. И берет начало он именно с выступления верхнедаргинцев против шамхала и его эмиров и победой их над последними.

В источнике отмечается, что, когда «умножались притеснения и несправедливости» казикумухских эмиров, умножалась и «сумятица среди людей», и тогда акушинский кадий в пятничный день с крыши мечети призвал объединиться и сказал: мы «сможем сразиться против эмиров и не будем больше платить тяжелые повинности» [2, с. 11]. Даргинцы, объединившись, «вступили в сражения... атаковали казикумухцев», «убили... одного из них – казикумухских эмиров, а те, кто спаслись, убежали» [2, с. 11].

Кадием в Акуша был Мусала БахИанд, обладавший значительным авторитетом, и даргинцы сделали маслаат, что будут «под властью кадия Акуши» и, главное, «что посадка [каждого нового] шамхала на [трон] будет находиться во власти такого кадия» [2, с. 11].

Анализируя источник и различные события, описанные в нем, авторы статьи пришли к выводу, что описанное выступление даргинцев и освобождение их из-под власти шамхала произошло где-то после 1535 г. [2, с. 15], т.е. в первой половине XVI в. Именно после этого и было решено, что Акуша-Дарго войдет в Шамхальство с условием предоставления права акушинскому кадию сажать «на трон» каждого нового шамхала. Это и есть время возникновения традиции «коронации» шамхала акушинским кадием, которая существовала вплоть до XIX в. И об этом говорится в различных источниках XVII–XIX вв. Р.М. Магомедов, не будучи знаком с указанным выше арабоязычным источником, полагал, что союз между Акуша-Дарго и Казикумухским шамхальством был заключен между 1612 и 1638 гг., когда «завершилось включение северодаргинских земель в довольно рыхлую конфедерацию – шамхальство» [4, с. 398]. Первую дату он связывает с записью в арабской книге «Халл ал-Иджаз» Гаджуддина Мухаммед ал-Керамани, переписанную в 1612 г. Гаджи-Махмудом, сыном Магомеда по прозвищу кадий ал-аср (кадий эпохи) [5, с. 257]. А вторая дата связана с сообщением А. Олеария от 1638 г. об избрании шамхала [6, с. 398].

Но А. Олеарий был не первым, кто описал избрание нового шамхала. Еще в 1635 г., т.е. за три года до него, в отписке терских воевод князя М.П. Пронского и др. в Посольский приказ сообщалось об избрании шамхалом сына эндириевского Султан-Мута, Айдемира, для чего Султан-Мут сам ездил в Казикумух, как сказано в источнике, «для обирания (избрания. – *Авт.*) на шевкалство сына ево, Айдемира

мурзы, и давал в Казыкумухе кабацким узденем подарки – лошади и быки и овцы, где даетца *по их обычаем* (курсив наш. – Авт.) шевкальство, *а то де у них исстари повелось* (курсив наш. – Авт.), что от шевкальства подарки дают всяким людем и до последнево узденя» [7, с. 135].

Как видно из отписки, описанный обычай уже был в 30-е гг. XVII в. Причем, как отмечается далее в отписке, этот обычай был в Шамхальстве «исстари». Значит, он возник давно, возможно, именно после 1535 г. Но в источнике ничего не сказано об акушинском кадии, его роли в проведении описанных церемоний, не сказано в отписке и как именно избирали шамхала. Это все мы впервые находим у А. Олеария, писавшего в 1638 г. в основном о процедуре избрания и ничего не говорившего об угощении и подарках, на что особое внимание обратили в своей отписке русские дипломаты.

Отметив первенство среди владений Дагестана шамхала и уцмья и наличие здесь «различных князей», А. Олеарий писал, что главный из них именуется шемхалом, который между ними является как бы царем, «избирается» он бросанием яблока. Далее А. Олеарий, останавливаясь на процедуре избрания шамхала, отметил: «Когда его избирают, все мурзы или князья должны сойтись в круг, а священник (мулла) бросает в них позолоченное яблоко, в кого оно попадает, тот становится шемхалом. Священник, однако, хорошо знает, в кого он должен бросать. Такого рода шемхал (или *Lumen* [светоч?]), как на их языке именуется, пользуется, правда, почетом и уважением, но другие князья не особенно ему повинуются и доверяют» [6, с. 294–295].

Как видим, А. Олеарий действительно писал о процедуре «избрания» шамхала, но не указывал место проведения этой процедуры, что мы находим у Я. Стрейса – голландского путешественника и ремесленника XVII в. Отметив, как и А. Олеарий, что наиболее почетными в Дагестане владетелями были шамхал и уцмий и самым могущественным из них был первый. Я. Стрейс писал, что «он живет в местечке, называемом Бойнак, и избирается бросанием яблока...когда нужно избрать Шамхала, не принимают во внимание порядок престолонаследия». Описывает Я. Стрейс и процедуру избрания шамхала, почти повторяя А. Олеария. «Но священник, – отмечал он, – собирает всех князей или мурз и ставит в круг, берет золотое яблоко, бросает его в них, и тот, в кого он попадет, избирается королем, хотя он метко целит в того, кого считает самым достойным» [8, с. 220].

Как видно из слов Я. Стрейса, и он не указывает, где проходила процедура избрания шамхала. Но он отметил, что шамхал жил в Бойнаке. Конечно, речь здесь идет о крым-шамхале – наследнике шамхала, которого определяли вместе с избранным шамхалом. Расхождения у А. Олеария и Я. Стрейса в том, что первый писал о том, что священник знает, в кого надо бросить яблоко, а второй – что он бросал яблоко в самого достойного из собранных им князей или мурз.

А. Олеарий писал об избрании шамхала до окончательного перехода шамхала в Тарки, а Я. Стрейс – после перехода его в Тарки, т.е. в 1676 г. Но, как видно из приведенных описаний этой церемонии, в обоих случаях она была одинакова, перенос столицы не играл роли в проведении церемонии. Однако оба автора не указали место проведения церемонии, что мы встречаем только у русских и турецких авторов XVIII–XIX в. Но об этом будет сказано позже.

Здесь же отметим, что следующее сообщение о церемонии избрания шамхала, имеющееся у участника Персидского похода русских войск 1796 г. – майора Д.И. Тихонова, относится к концу XVIII в. Оно наиболее интересно как описанием церемонии, так и указанием, кто здесь играл главную роль. Д.И. Тихонов писал о месте, где проводилась церемония избрания шамхала. Указав на аренду зимних пастбищ жителями Акуша-Дарго, он писал, что они имели еще «преимущество, что во время нового приемника шамхальского достоинства акушинцы посылают несколько чиновников в Тарку и по приезде их сажают его на камень четверугольный, и по окончании сей церемонии, шамхал вставши дарит их по его рассмотрению, и в то время уже признан будет от всех народов шамхалом» [9, с. 131]. «Несколько чиновников» – это, конечно же, высшие и авторитетные должностные лица во главе с акушинским кадием, о котором Д.И. Тихонов не говорит. Но зато он конкретно пишет о Тарки, где проживает шамхал, во дворе дома которого находился «камень четверугольный», о котором писали и другие авторы. Так, И.Н. Березин, бывавший в Тарках и в доме шамхала, писал, что во дворе шамхала около бассейна находится небольшой четырехугольный серый камень, являющийся тронном шамхала, на котором он разбирает вопросы, касающиеся подданных. На нем же, писал он, «коронуются новые владельцы Тарху» [10, с. 74–75].

Известный дагестанский востоковед Т.М. Айтберов пишет, что «этот тарковский экспонат» «походил» «на древний трон королей Шотландии» [2, с. 13]. Другие авторы сравнивают церемонию избрания шамхала с древними обычаями других стран, о чем будет сказано ниже.

Возвращаясь к церемонии избрания шамхала, отметим, что наиболее полные сведения по этому вопросу имеются у неизвестного автора 50–60 гг. XIX в., написавшего небольшую статью под названием «Сведения об Акуша» [11, с. 13–15]. Он писал, что «так как акушинские общества были весьма сильны и страшны для соседей, то они были в особом уважении у шамхала и ханов и отсюда явился адат, что при коронации шамхала все кадии 5 даргинских обществ (Акушинского, Усишинского, Мекегинского, Мугинского и Цудахарского. – *Авт.*) приглашались на празднество с почетными людьми и акушинский кадий надевал папах как почетнейший и получал за это коня с седлом. Все бывшие почетные люди на коронации также получали подарки: черкески, бешметы и пр., даже дарили и их нукеров» [11, с. 15].

Как видим, Д.И. Тихонов особо не говорит о проведении каких-то церемоний при избрании шамхала. Не писал он и о присутствующих из окружения шамхала. Но зато Д.И. Тихонов конкретно указывает, кто был главным действующим лицом и кто вместе с ним присутствовал при «коронации» шамхала. «Священник» предыдущих авторов – это акушинский кадий, а «несколько почетных лиц» – это кадии всех пяти союзов, составляющих Акуша-Дарго. Еще, что интересно, – у авторов XVII в. шамхала выбирали бросанием яблока, у Д.И. Тихонова – сажанием на специальный камень, а у цитируемого автора XIX в. – надеванием папахи. Новшеством здесь, как и у Д.И. Тихонова, является раздача шамхалом различных подарков акушинскому кадию и кадиям обществ, сопровождавшим его.

Но наиболее интересное и важное здесь – это причина, почему именно акушинский кадий «короновал» шамхала, которая заключалась в том, как сказано в источнике, что акушинские общества могли выставить большое войско. По этой причине они были «особенно уважаемы у шамхала и ханов» [11, с. 15]. Это сообщение аналогично и сообщению приведенного выше арабоязычного источника о том, что даргинские общества, объединившись во главе с акушинским кадием, прогоняют шамхальских эмиров и освобождаются от его власти, что могло быть только в случае, если сила их была больше шамхальской. И в то же время сообщение автора XIX в. о силе даргинских обществ аналогично и подтверждает сказанное Д.И. Тихоновым в конце XVIII в. о нужде шамхала в военной помощи Акуша-Дарго. Можно полагать, что союз между шамхалом и Акуша-Дарго предполагал выставление последним своих воинских сил шамхалу, когда в этом возникала необходимость, о чем говорится и в других источниках.

Выдающийся дагестанский историк, патриарх исторической науки Дагестана, проф. Р.М. Магомедов, анализируя указанные сведения иностранных и российских авторов XVII–XIX вв., писал: «Легко заметить, что эти три описания (А. Олеария, Д.И. Тихонова и неизвестного русского офицера. – *Авт.*) по сути одного и того же обряда: меняются детали (золотое яблоко, – затем «возведение на трон» – наконец «коронация»), но суть сохраняется: утверждение избранного шамхала остается за кадием акушинским (в сопровождении кадиев остальных хуреба), который проводит основной обряд, затем коллегия кадиев Акуша-Дарго одаривается шамхалом» [4, с. 399].

Но главное при избрании нового шамхала, на что обратил внимание и Р.М. Магомедов, – это роль и значение Акуша-Дарго как главного участника собрания и церемонии, только кадию которого принадлежало право «коронации» нового шамхала. Он, в частности, писал: «Как разительно изменились в XVII в. роль и место Акуша-Дарго в шамхальской конфедерации! Теперь это не просто подчиненные шамхалу земли – кадий может попросту **не утвердить** на трон шамхальства неуютную для Акуша-Дарго кандидатуру (т.е. имеет разрешительные полномочия), о дани теперь не может быть и речи. Тем не менее шамхальство и Акуша-Дарго нужны друг другу» [4, с. 399].

Такая же зависимость при занятии престола новым правителем от другой политической структуры была и в Илисуиском султанстве, и причем от такого же сильного союза, как Акушинский, Джара. Власть султана в Илису, как и в других владениях Дагестана, была наследственной. Но и в Султанстве в избрании владетеля основную роль играло Джарское общество, как в Шамхальстве – Акушинское общество во главе с его кадием и Акуша-Дарго, в целом возглавляемом им.

Однако в начальный период возникновения Султанства дело обстояло иначе. Трудно сказать, к какой форме правления, по определению С.М. Броневского, можно было бы отнести Илисуиское султан-

ство того времени. Но согласно фирманам известно, что начиная с середины XVII в. цахурские султаны утверждались то персидским шахом, то турецким султаном, т.е. уже в Илису была власть султана, хотя, как писал И.П. Петрушевский, «трудно допустить, чтобы явно феодальная власть султана могла укрепиться здесь уже в XVII в.», так как в Султанстве даже «в XIX в. тухумный уклад был достаточно крепок» [12, с. 75]. Но он же писал, что «власть султанов была продолжением власти моуравов элисенских, иначе говоря, она возникла на почве феодальных отношений Кахетии, и не вышла из горного Цахура» [12, с. 5].

Каждый из тухумов Цахура стремился выдвинуть своего представителя в султаны. Это вызвало вражду и беспорядки. «Чтобы положить конец неурядице, тохумы согласились выбрать главу из нейтральной среды» [12, с. 75]. Однако это право закрепилось только за одной султанской фамилией. Как отмечал И.П. Петрушевский, «первоначально джамаат играл значительную роль в управлении, приставлял к султану своих уполномоченных (вакилей) и сменял его в предусмотренных адатом случаях, заменяя другим человеком султанского рода» [12, с. 76]. Такой порядок избрания султана говорит о том, что султан был одновременно и наследственным «феодальным сеньором», и выборным «главою четырех вольных обществ», это было следствием «компромисса между султаном и цахурскими джамаатами» [12, с. 76].

Однако с XVIII в. «избирательные права джамаата превратились в юридическую фикцию». Султаны же стали назначенцами Джарского вольного общества. Еще до выборов каждый претендент из влиятельных членов султанской семьи отправлялся в Джар. Там «подарками и обещаниями» они «старались склонить на свою сторону главных кевхов» (старшин. – *Авт.*). Илисуийский джамаат покорно провозглашал султаном того претендента, которого одобрял джарский джамаат. Не согласиться было невозможно, так как Джар мог силой заставить принять его решение». Так, назначив султаном удобного ему претендента из султанского рода, Джар направлял и контролировал «все управление султанством». Утверждение же назначаемого Джаром султана персидскими шахами или турецкими султанами «было только простым признанием факта вступления султана на «престол» [12, с. 76]. Султана Илисуийского И. Линевич характеризовал как «почти неограниченного повелителя» в своем владении, и такими султаны были до перехода Даниель-бека Илисуийского к Шамилю [13, с. 22]. Это значит, что султан Илису имел такие же права по внутреннему управлению (право суда и расправы), как и феодальные правители Дагестана. Хотя, как известно, Илисуийское султанство, как временами и ханство Шекинское, было вассалом Джарского общества [12, с. 72].

Итак, приведенное выше подтверждает сказанное об аналогии избрания илисуийского правителя – султана избранию шамхала, хотя в этих обрядах имелись и свои особенности. Но главное, что было у них общего, – это зависимость избрания новых правителей от других политических структур – Шамхальства от Акуша-Дарго и его правителя акушинского кадия, а в Илисуийском султанстве – от главного общества федерации Джаро-Белокан – Джара и его «главных кевхов».

Большой интерес представляет избрание кайтагского правителя – кайтагского уцмийа. Имеются описания обрядов и церемоний. Но прежде отметим, что в Кайтагском уцмийстве власть уцмийа, как и власть шамхала Тарковского, была наследственной и переходила к старшему в уцмиевском роду. Но самое интересное, как она (власть) переходила к новому уцмийу, где он избирался, какой обряд (или церемония) при этом проводился, где это происходило и почему все это происходило, если, как писал С.М. Броневский, и в Кайтагском уцмийстве правление было монархическое или единоначальное (единовластие) [1, с. 40], и власть уцмийа была наследственной и переходила к старшему в уцмийском роду. Так было заведено издревле и продолжалось вплоть до ликвидации уцмийства А.П. Ермоловым в 1820 г. Но при этом, как говорится в источнике, тот член уцмиевского рода, который становился уцмием, должен был утверждаться всенародным собранием в торжественной обстановке [14, л. 1]. Это был общий сход «представителей всех свободных обществ с соблюдением некоторых обрядов» [15, с. 182]. Всеобщий сход собирался обычно в центральном селении Уцмийства, но в разное время его центром были разные села: Кала-Корейш, Уркарах, Маджалис, Башлы. Поэтому в источниках, в зависимости от времени их составления, указаны эти разные села. Так, в сведениях, собранных сословно-поземельной комиссией, сказано, что еще «при жизни уцмийа, кто должен был наследовать его власть, назывался гаттым; по смерти уцмийа гаттым призывался в с. Башлы, туда собирался народ из всех свободных обществ, и на него возлагали папаху, которая хранилась в тухуме арабского происхождения в магале Ирчамуль» [15, с. 182–183].

В других источниках сведения об обряде избрания кайтагского уцмья более конкретные и обстоятельные, но с некоторыми расхождениями в описании их проведения. В 1867 г. помощник начальника Кайтаго-Табасаранского округа А. Петухов издал большую статью об округе, в которой освещено множество вопросов, среди которых и описание обряда избрания уцмья Кайтага. По его словам, «при избрании правителей происходил некоторый обряд, называвшийся “*папах коймага*” (возложение шапки). Право надевания шапки уцмьям принадлежало тухуму Омар из сел. Кирцик, в горном магале Ирчамуль. Тухум этот хранит особую парчевую шапку и копые с золотой насечкой на арабском языке» [16].

Как видим, П. Петухов, как и сословно-поземельная комиссия, говорит о тухуме, которому принадлежало право надевать на уцмья папаху, – это Омар из Кирцика. Но ни в первом, ни во втором источнике не сказано, кто именно надевал папаху на уцмья и где проводился этот обряд.

Обратил внимание на избрание уцмья и выдающийся ученый-юрист М.М. Ковалевский. Он писал, что согласно официальным сведениям «кайтагский уцмий в течение ряда столетий был избираем народным сходом, собиравшимся в окрестности Маджалиса». Причем в нем могли участвовать все совершеннолетние мужчины возраста от 20 до 50 лет. Отметив, что «выбор был ограничен членом определенной династии и обыкновенно падал на старшего в роде», М.М. Ковалевский писал, что «знаком избрания было возложение на голову кандидата особой шапочки, похожей на еврейскую ермолку». Причем, как писал он далее, «надевать такую шапочку на голову уцмья составляло почетную привилегию старшего в тухуме Гассан-бека – одного из древнейших и почтеннейших родов Кайтага» [17, с. 223].

Приведенное и П. Петуховым, и М.М. Ковалевским описание очень схоже с обрядом избрания шамхала, которого, как было показано выше, также избирали на сходе (но не всенародном, а на сборе уважаемых, богатых, близких – беков, мурз и др.), но с обязательным участием акушинского кадия во главе с представителями (кадиев 5 союзов, составляющих Акуша-Дарго). Да и церемония надевания папахи акушинским кадием на избираемого шамхала очень схожа с церемонией надевания особой шапочки на уцмья старшим представителем из старинного тухума Гассан-бека или Омара из с. Кирцик Ирчамульского союза.

Схожи оба обряда избрания шамхала и уцмья и своей концовкой. Как и избираемый шамхал, избираемый новый уцмий одаривал присутствующих. Как отмечал М.М. Ковалевский, он «одаривал присутствующих почетных лиц: кого оружием и деньгами, а кого и скотом. Всему же собранному народу устраиваемо было богатое угощение – опять-таки на средства уцмья» [17, с. 223].

У П. Петухова и М.М. Ковалевского расхождения в описании проведения обряда избрания уцмья, как видно из приведенных выше текстов, не только в привилегированном тухуме (Гассан-бека или Омара), но и в месте проведения обряда избрания, расхождения у М.М. Ковалевского и сословно-поземельной комиссии касаются места проведения обряда – Башлы или на поляне около Маджалиса (имеется в виду местность Семс – около нынешнего Родникового поселка).

Схожи обряды избрания с указанными обрядами избрания шамхала и уцмья и табасаранских владельцев – кадия и майсума, о которых цитируемый выше П. Петухов писал: «Майсумам и кадиям возлагали папах старшины горных селений Ругуж, Хараг и Хив» [16].

Но согласно другим источникам сказанное П. Петуховым относилось только к кадию. К майсуму же старшины селений Ругуж, Хараг и Хив не имели никакого отношения, так как они входили в кадийство. Кадий и майсум избирались каждый в своем владении и в разных местах. Согласно одному архивному источнику, как и в Кайтагском уцмийстве, в табасаранских владениях соблюдался обряд избрания, который проводился на сходах представителей всех магалов (узденских и раятских) в определенных местах: кадия в Северном Табасаране, близ селения Хучни, а майсума – около селения Туруф [14, л. 2; 18, с. 201]. Но согласно другим источникам избрание их происходило в других местах. Так, по поводу избрания кадия в другом источнике сказано: «При избрании кадия общества узденские и раятские собираются ниже селения Хучни на равнине Харба-Куран и там старший из тухума селения Хурик надевал на избранного кади свою папаху, а папаху кадия брал себе, в этом заключается обряд, посвященный в достоинство кадия...» [14, л. 2; 18, с. 202].

Поручик Сотников более подробно описал избрание табасаранского кадия. «Предполагаемый в кадии бек, – писал он, – о необходимости выбора давал знать ругуджскому старшине, этот последний сообщал товарищам своим, старшинам храхскому и хивскому, с их обоюдного согласия оповещался народ собраться на Харба-Куран (ниже Татилия, около моста) в назначенный день» [11, с. 49].

В назначенный день на Харба-Куран приходил предполагаемый в кадии бек, который «садился на специальный камень». Подойдя к нему, хурикский старшина из тухума Ильдин-Агляр снимал с него папаху и надевал на него свою, «говоря при этом, чтобы кадий был к народу справедлив». После проведения этого обряда начинались поздравления. Сначала кадия поздравлял хурикский старшина, потом три главных старшины сел Ругуджа, Храха и Хива, а за ними все присутствующие. Затем проводили джигитовку, после чего народ отправлялся в деревню кадия, где целые сутки его угощали, а «на другой день влиятельные лица получали подарки от кадия: ругуджский старшина лошадь, храхский и хивский по одной штуке рогатого скота, по 1 штуке рогатого скота получали старшины хинагский и хуринский, затем менее значительным лицам дарили по 1 штуке бурмету (грубая бумажная ткань. – *Авт.*). Так кончалось посвящение в кадии. Народ расходился» [11, с. 49–50].

Невозможно не отметить сходства обряда избрания табасаранского кадия с обрядом избрания шамхала и уцмия. Для проведения обряда на сходе народа или знати существует определенное место и населенный пункт, имеется определенный камень, куда сажают претендента (в шамхальстве и кадийстве), главная роль в проведении обряда отводится одному тухуму и определенному представителю его (в Шамхальстве – акушинскому кадию, в Уцмийстве – старшине тухума Гассан-бек или Омар, в кадийстве Табасарана – старшине тухума Ильдин-Агляр сел. Хурик). Везде обряд завершался поздравлениями, подарками, которыми избранный владетель одаривал уважаемых и знатных лиц, а народ – большим угощением.

К сожалению, таких сведений, как по избранию табасаранского кадия, нет по избранию майсума. Но, если учесть, что майсумство возникло намного раньше владения кадия и управление последним было скопировано с управления майсумством, то можно полагать, что и в майсумстве правителя выбирали с проведением схожих с избранием кадия обрядов, конечно, со своими особенностями. Поэтому, хотя у нас нет сведений о порядке и проведении избрания майсума на сходе (около с. Туруф), тем не менее нельзя не согласиться с М.Р. Гасановым, который писал, что «порядок избрания кадия и майсума был один и тот же» [18, с. 201]. К тому же, как было указано выше, по словам П. Петухова, процедура избрания майсума проводилась одинаково с процедурой избрания кадия и заключалась в «возложении папаху». Конечно, как также было указано выше, на майсума папаху возлагали не представители горных обществ, а кто-то из своего владения, представитель какого-то влиятельного тухума.

Обряд избрания правителя и церемония его проведения были и в Лакии (речь идет о периоде после перехода шамхалов в Тарки), где сначала выбирались халклавчи (руководители народа), а с образованием ханства – хана. Это было время, как писал Р.М. Магомедов, «превращения власти дофеодалного владыки, в данном случае военного вождя (каким был халклавчи Сурхай), в королевскую власть, в данном случае власть хана (каковым стал Сурхай)» [19, с. 286].

Появление халклавчи в Казикумухе связано с окончательным переездом шамхала из Казикумуха в Тарки и отложением казикумухцев от шамхала, когда они и стали выбирать себе «особого правителя, под названием Халклавчи, из фамилии, ведшей свой род от Шах-Баола» [20, с. 6]. Об этих событиях, связанных с выступлением против шамхала «озлобленного народа», и о выборе халклавчи писал и С.И. Габиев. По его мнению, «в 1641–42 годах лаки всенародно избрали себе халхлаучи... из обычной уважаемой народом ветви шамхалов» [21, с. 18]. Власть халхлаучи, избранного на всенародном сходе – къате, им же была и ограничена. Къат являлся специальным органом, в котором участвовали представители «от всех свободных узденских джамаатов» [19, с. 283–284]. Поэтому, естественно, что халклавчи был зависим от къата, который избирал его. О первых халклавчи сведений нет. Но на примере халклавчи Сурхая, избранного къатом в начале XVIII в., можно проследить значение народного схода в первые годы правления халклавчи после того, как он получил титул хана. Своей активной внешней политикой Сурхай-Чолак сильно возвысился, стал очень сильным и влиятельным владетелем не только в Лакии, но и в Дагестане и на Северо-Восточном Кавказе в целом. Это, естественно, не могло не привести к ослаблению значения къата, который превращается в совещательный орган при хане, хотя услугами и поддержкой его Сурхай-Чолак продолжал пользоваться на протяжении всей своей деятельности, даже когда он стал ханом, а владение его – ханством.

Несмотря на то что къат созывался для избрания халклавчи, последний избирался не къатом непосредственно. Процедура избрания его дана А. Комаровым. «Халхлавчи, – писал он, – избирался стар-

шинами и выборными от каждого селения, на предварительном совещании, но всегда наблюдалось правило, что первым кандидатом считался старший в роде шамхальской фамилии, оставшейся в Казикумухе, и только в случае явной его неспособности или отказа от звания халклавчи, избирался следующий за ним, при этом требовалось также, чтобы избираемый не был чанка, т.е. происходил от равного брака, в смутные времена это обстоятельство не имело особого значения – все зависело от личных качеств избираемого» [20, с. 6]. Так было и при избрании Сурхай-Чолака. Его соперники – двоюродные братья, которые по традиции должны были быть избранными халклавчи, так как их отец Сурхай-шамхал был старше отца Сурхай-Чолака – Гирея (брата Сурхай-шамхала), как отмечал А. Комаров, «не отличались хорошими качествами, обращались надменно с простым народом и вообще вели себя дурно» [20, с. 7]. Именно поэтому халклавчи был избран Сурхай.

Хотя обязанности халклавчи заключались в сборе ополчения и начальствовании над ним как при защите от нападения соседей, так и для внешних предприятий, халклавчи Сурхай-Чолак возвысился до того, что стал настоящим владельцем Лакии. И это возвышение халклавчи и укрепление его власти в Кумухе привели «к ослаблению значения къата, как важнейшего политического органа лаков» [19, с. 284], хотя при Сурхай-Чолаке къат имел еще какое-то значение, и он считался с ним. И в этот период высшим органом власти в Лакии были къат и халклавчи. Но при преемниках Сурхай-Чолака все изменилось – теперь высшим органом власти были хан и къат, а не къат, как было раньше. Хан стал выступать как первое лицо Лакии, которое практически решало все внутренние и внешние дела. Усиление власти казикумухского хана как в самой Лакии, так и в покоренных землях ослабило значение кумухского къата. Если къат раньше собирался на священном месте под названием Ямани, то уже к концу правления Магомед-хана он стал собираться перед ханским дворцом, что являлось знаком «глубокого уважения личности хана» [19, с. 290]. Дело дошло до того, что хан впоследствии не присутствовал на къате, а наблюдал за его работой с балкона или с крыши [22, с. 132]. И не без основания он вел себя так. Он не был избран в качестве халклавчи, впрочем, как и его наследники. Еще при жизни Сурхай-хана его сын Магомед управлял владением в отсутствие отца, и в последние годы правления Сурхай-хан отошел сам от власти, и ханством управлял Магомед. И, таким образом, «къат, по мере укрепления экономических позиций хана, постепенно начал терять свое значение, перестал быть высшим политическим органом лаков и к концу века (XVIII в. – *Авт.*) стал совещательным органом при хане» [19, с. 291]. Къат утратил свои традиционные функции важнейшего органа управления и власти лаков, хотя еще долго и после XVIII в. он функционировал как один «из основных политических органов», «пока Агалар-хан не уничтожил следы его бывшего могущества» [19, с. 291].

Интересно проследить, как приходил к власти правитель Аварского ханства. Но, к сожалению, порядок и процедура избрания нуцала или хана не отражены в источниках. Известно лишь, что власть в ханстве передавалась по наследству, а правителем становился старший сын хана. Наследник носил титул кихилав (авар. – *кълъилав*), который переводится как «наследник престола, соправитель» [24, с. 116; 23, с. 304].

Х.Р. Фаталиева в своей кандидатской диссертации высказала две гипотезы о наследовании власти в ханстве. Сначала она пишет, что «нуцал получал власть по наследству от отца к старшему сыну (т.е. власть переходила по прямой линии. – *Авт.*) или старшему представителю рода [25, с. 18]. Однако ниже она пишет, что в «Аварском нуцальстве власть наследовалась не прямой линии, а считалась принадлежащей родственной группе в целом, переходя к наиболее влиятельному члену последней». При этом она отмечает, что «это отчасти напоминает древнерусскую «лестничную систему» [25, с. 22]. Как ни странно, и в академическом издании «Истории Дагестана» нет конкретности, кто и как наследовал власть в Аварском ханстве.

Но имеется интересное сообщение офицера британской армии, командира королевского стрелкового корпуса и 3620-го пехотного полка Артура Конингейма, бывавшего в Дагестане в 1871 г., об этом наследнике. Он писал: «По рассказам, в этом крае (собрал эти сведения он, будучи в Конхидатле, в с. Инхело. – *Авт.*) существовал удивительный обычай. Сына принца, вскоре после рождения, несли из деревни в деревню на территории всего ханства, и каждая женщина должна была его вскормить. Этот обычай предполагал укрепление братских уз между принцем и его подчиненными» [26, с. 210].

Это единственное известие о том, как проводился обряд (или какой был обычай) в Аварском ханстве по вскармливанию наследника правителя. Но как схож этот адат с адатом, существовавшим в Кайтагском

уцмийстве, о котором писал майор И.-Г. Гербер в 1728 г. «Усмей, – констатировал он, – следующую обыкность имеет, что своих подданных к обязанности к себе содержать. Когда усмея родился сын, то несколько дней по рождению младенец посылается в некоторую из его деревень, которого тамошних жителей жены грудью своими кормят, а когда во всей деревне ряда отошла, то отвезут младенца в другую деревню, где таким же образом поступают, потом в третью, и в четвертую, пока время младенца от грудей отставить; отчего обитатели тех деревень обязанными считаются свой живот и тело для их терять, ибо они себя с ними в свойстве счисляют, понеже одну грудь с ними сосали» [27, с. 84].

Как видим, практически один и тот же обычай был в двух дагестанских владениях. И.-Г. Гербер писал об этом адате в 1728 г., а А. Конингейм в 1871 г. Поэтому можно предположить, что он возник сначала в Кайтаге. Но мы не знаем, когда он появился в Аварии. Но можно полагать, что в период И.-Г. Гербера его не было в Аварии, иначе он сказал бы о нем при описании Аварского ханства, которое он описывает как одно из известных владений Дагестана. Значит, этот обычай возник в Аварии позже. И это можно объяснить, если иметь в виду династическое родство нуцалов и уцмиев. Известно, что матерью Уммахана Великого (1761–1801 гг.) была внучка не менее известного уцмий Ахмедхана. Согласно памятной записи, опубликованной дагестанским ученым-востоковедом Т.М. Айтберовым в своей монографии [28], установление родственных связей между двумя правящими домами произошло где-то в начале 40-х гг. XVIII в. В источнике сказано, что Ахмедхан уцмий после прихода в Кайтаг Надир-шаха и разрушений селений в 1155/1742–43 гг. «прибыл к Мухаммад-нуцалу». Ахмедхан с семьей прибыл в Аваристан «вместе со своими детьми». В 1156/1743–44 г. «он выдал замуж за Мухаммад-нуцала, являвшегося сыном покойного Умма-хана, – дочь своего покойного сына Ханмухаммада, имя которой Баху». В том же году Ахмедхан возвратился в Кайтаг вместе со своей семьей [28, с. 252].

Вероятно, именно после этих событий, т.е. примерно в середине второй половины XVIII в., и было решено в Аварии проводить, как в Кайтаге, вскрамливание наследника хана в селах его владения.

В других владениях особых церемоний и обрядов при приходе к власти нового правителя не было. В Мехтулинском ханстве «власть и права [Кара-Мехтия] ... переходили к его потомкам по праву старшинства в роде» [15, с. 36]. Так же было в Дербентском ханстве. В Кюринском ханстве – хан ставился русской военной администрацией [22].

В засулакских княжествах во главе владений стояли старшие князья, которые назначались с общего согласия князей, «князья эти выбирались всегда из старших по летам, и цель их назначения была та, чтобы стараться примирять враждующих князей» и управлять «всем городом» [26, с. 75]. Назывались старшие князья уллу-биями, они возглавляли выборный совет князей, который и осуществлял управление владений. Совет князей – это высший орган управления, куда входили по одному представителю от каждого княжеского рода и других сословий, стариков и кадия. Но в повседневной жизни верховным правителем был старший князь. О проведении каких-либо обрядов при избрании старшего князя сведений не имеется.

Выводы

Приведенный и проанализированный в статье материал показывает, что занятие престола и приход к власти дагестанских феодальных правителей заключались в их избрании на всеобщем народном сходе или на собрании общин, или собрании знати в лице высшего окружения правителя и высших должностных лиц владения. Но эти собрания, в каком бы формате они не проводились, были чистой формальностью, так как во всех владениях уже были определены при вступлении на престол прежних владетелей наследники, известные под терминами «крым-шамхал» (у кумыков), «гаттым» у (кайтайгцев), «кихилав» (у аварцев) и т.д. При избрании правителей не было, если можно так сказать, «аккламации» – т.е. наследник приходил к власти без процедуры голосования. Вместо этого проводились определенные обряды и церемонии – своего рода «ритуал легитимации», церемония законности, заключающиеся в надевании папахи или халата. Только после этих церемоний наследник считался законно избранным правителем. Торжественные обряды и церемонии, проводившиеся при избрании правителей («инвеститура»), были почти идентичны во всех владениях, где проводилось избрание, и оно, как было отмечено выше, выражалось в посадке избираемого на специальный камень или определенное место, надевании на него особой папахи или халата. Вся эта процедура завершалась одариванием присутствующей знати и административных лиц и угощением народа. При этом эти обряды и церемонии проводились вплоть до XIX в.

О причинах возникновения указанных обрядов и сохранения их долгое время В. Линден писал: «Правители, поставленные в некоторых частях Дагестана арабами, первоначально пользовались среди свободолюбивых горцев лишь незначительной частью и долго не могли установить ее твердого преемства во всем исходящем потомстве. До конца XVII и начала XVIII столетий (а в некоторых районах и позднее), во всех образовавшихся в Дагестане владениях с характером единой державы, народ упорно придерживал за собою избрания достойнейшего из числа всех немногих членов владетельного рода...» [30, с. 294].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: Тип. С. Селивановского, 1823. Ч. 1. 362 с.
2. *Абдуллаев М.Н., Айтберов Т.М.* Правовые и политические процессы в ходе формирования горских «республик» на Восточном Кавказе в эпоху средневековья (на примере Акуша-Дарго) // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. Т. 47, № 3(67). С. 9–18. DOI: 10.21779/2224-0241-2023-47-3-9-18.
3. Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом-Рафи // Сборник сведений о Кавказских горцах (далее – ССКГ). Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника Кавказа, 1870. Вып. V. С. 1–30.
4. *Магомедов Р.М.* Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1999. Т. 1. 448 с.
5. *Алиев Б.Г.* Памятники арабской письменности по истории Верхней Даргинии // Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагфилиала АН СССР. Махачкала: Тип. Дагестанского филиала Академии наук СССР. Т. XX. (Серия общественных наук). 1970. С. 253–261.
6. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Изд. А.С. Суворова, 1906. 578 с.
7. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. : документы и материалы / сост. *Р.Г. Маршаев*. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. 336 с.
8. *Стрейс Я.* Три путешествия / пер. *Э. Бородиной*; под ред. *А. Морозова*. М.: Огиз; Соцэкгиз, 1935. 415 с.
9. *Тихонов Д.И.* Описание Северного Дагестана. 1796 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. : архивные материалы (далее – ИГЭД) / под ред. *И.О. Косвена* и *Х.-М. Хашаева*. М.: Изд-во вост. лит., 1958. 371 с.
10. *Березин И.Н.* Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань: Университетская тип., 1850. Изд. 2-е доп. Ч. 1. 120 с.
11. Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. : сборник архивных материалов / сост., предисл. и примеч. *Х.-М. Хашаева*. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1965. 280 с.
12. *Петрушевский И.П.* Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX в. Махачкала, 1999. 166 с.
13. *Линевич В.* Бывшее Елисейское султанство // ССКГ. Тифлис: Тип. Гл упр. наместника Кавказа, 1873. Вып. VII. С. 1–54.
14. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 150. Оп. 1. Д. 8. Исторический очерк Кайтага. 1875. 14 л.
15. Феодалные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в. : архивные материалы / сост., предисл. и прим. *Х.-М. Хашаева*. М.: Глав. ред. вост. лит., 1969. 396 с.
16. Пъ-в [Петухов]. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа // Кавказ. 1867. 12 февр. № 13. С. 8.
17. *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. М.: Тип. Мамонтова и К°, 1890. Т. 2. 304 с.
18. *Гасанов М.Р.* Очерки истории Табасарана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1994. 256 с.
19. *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. 408 с.
20. А.К. [Комаров]. Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника Кавказского, 1869. Вып. 11. С. 1–44.
21. *Габиев С.И.* Лаки. Их прошлое и быт. Тифлис, 1906. 110 с.
22. *Магомедов Р.М.* По аулам Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1979. Вып. II. 153 с.
23. *Айтберов Т.М.* Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990. 176 с.
24. *Хапизов Ш.М.* Нуцалы Аварии. Историко-генеалогическое исследование. Махачкала, 2021. 384 с.

25. *Фаталиева Х.Р.* Аварское нучальство в XVIII в. (социально-экономическое и культурное развитие) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1999. 23 с.

26. *Конингейм А.* Путешествие по Восточному Кавказу на Каспийском и Черном морях, особенно в Дагестане и на фронтах Персии и Турции, в течение лета 1871 года. Лондон, 1872 / пер. с англ. *М.Р. Сефербекова* // Научный архив Института, истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 384. 267 с.

27. *Гербер И.-Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. 371 с.

28. *Айтберов Т.М.* Правители средневекового Аваристана, их деяния и их потомки, как и иные вопросы истории Аварии (Аваристан и аварцы в далеком прошлом. Ч. 2). Махачкала: Формат, 2024. 282 с.

29. *Шихалиев Д.-М.* Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1999. 224 с.

30. *Линден В.* Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис: Канцелярия Наместника Е.И.В. на Кавказе, 1916. С. 249–325.

Поступила в редакцию 07.09.2025 г.

Принята к печати 26.03.2026 г.

* * *

Алиев Багомед Гадаевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; e-mail: Aliev.bagomed@list.ru

Bagomed G. Aliev, Doctor of History, professor, main researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography, Daghestan Federal Research Centre of RAS; e-mail: Aliev.bagomed@list.ru

Муртазаев Арсен Омарович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий отделом древней и средневековой истории Дагестана, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; e-mail: arslist777@mail.ru

Arsen O. Murtazaev, Candidate of History, senior researcher, head of the Department of Ancient and Medieval History of Daghestan, Institute of History, Archaeology and Ethnography, Daghestan Federal Research Centre of RAS; e-mail: arslist777@mail.ru